ОИК
17г.

Катин-Ярцев, В.Н.

Правда о войне.

1917.

ОИК
17г.

Л63

В. Н. Катинъ-Ярцевъ.

Правда о войнѣ.

Москва.
Издательство „Единство".
1917.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1259800

ИЗ КНИГ
СТЕПАНА САВВИЧА
КРИВЦОВА
4.474 – 1917.

МОСКВА.
Типографія „Просвѣщеніе“ Камергерскій пер., 2.
1917.

Долгое время опорой царскаго трона служило народное невѣжество. Царскіе министры принимали мѣры къ тому, чтобы мѣшать образованію народа. Но лучи знанія проникали въ народныя массы, а кровавая война окончательно всколыхнула народъ. Война родила революцію. Страшные уроки войны многому научили русскій народъ. Разберемся же въ причинахъ и урокахъ войны и посмотримъ, чего требуетъ отъ насъ революція.

Не рабочія массы, не рабочій классъ являются зачинщиками войны. Войну вызываетъ обыкновенно столкновеніе интересовъ (выгодъ) капиталистовъ. Капиталисты, то есть купцы и фабриканты борются за рынки для сбыта товаровъ. Когда производство растетъ, товаровъ выбрасывается на рынокъ много, а внутренняго рынка, въ предѣлахъ своей страны, не хватаетъ, чтобы вмѣстить всѣ товары, фабриканты и купцы стараются распространить товары въ другихъ странахъ. Страны, гдѣ еще нѣтъ крупной фабрично заводской промышленности, или гдѣ она слабо развита, являются предметомъ особенно страстныхъ желаній для государствъ капиталистическихъ. Настоящая вели-

кая война вызвана столкновеніемъ интересовъ, съ одной стороны, германскихъ, съ другой, англійскихъ и французскихъ капиталистовъ. Англійская промышленность развилась много раньше нѣмецкой. Англійскій капиталъ давно завоевалъ себѣ рынки во всѣхъ странахъ міра. Онъ настолько былъ увѣренъ въ своемъ превосходствѣ, что ему не требовалось постоянной грозной арміи. Англія не знала обязательной военной службы, армія у нея была наемная и немногочисленная. Промышленности германской, не такъ давно народившейся, но развивавшейся быстро, предстояла жестокая борьба за рынки.

Сравнительно молодая промышленность Германіи была полна задора; хотѣлось бы ей англичанъ рублемъ прищемить, да руки коротки. А государство-то военное. Руки у императора Вильгельма давно чесались. Побѣда надъ конкурентами (соперниками) открывала германскому императору пути къ господству надъ міромъ. Денежныя выгоды германскихъ купцовъ и фабрикантовъ совпадали съ воинственными планами императора Вильгельма. Другими словами: нѣмецкіе купцы надѣялись получить обширные рынки для сбыта товаровъ, императоръ Вильгельмъ—господство надъ народами Европы. Германія давно ковала мечъ для битвы народовъ. Около пятидесяти лѣтъ тому назадъ еще не было теперешней Германской имперіи. Былъ союзъ Германскихъ государствъ и самымъ сильнымъ изъ этихъ государствъ была Пруссія. Прусскій король Вильгельмъ I, дѣдъ нынѣшняго кроваваго императора, разгромилъ

Францію, отнялъ у нея Эльзасъ и Лотарингію и обложилъ большой данью (контрибуція). Разбогатѣла Пруссія, разбогатѣла Германія. Другіе короли и князья нѣмецкихъ земель признали Вильгельма нáбольшимъ, провозгласили его императоромъ Германскимъ. Французскія деньги, хоть и неправедныя, пошли впрокъ нѣмецкой промышленности. Развивая промышленность вообще, нѣмецкіе фабриканты, подъ особымъ покровительствомъ императорскаго правительства, развивали промышленность военную. Могучая, многочисленная армія, могучій флотъ, который не боялся бы такихъ старинныхъ мореплавателей, какъ англичане, были завѣтной мечтой нынѣшняго Вильгельма. Могучее войско обезпечивало завоеваніе рынковъ. Нѣмецкіе купцы и заводчики (капиталисты) сочувствовали стремленію къ господству своего императора надъ другими народами. Такое стремленіе къ господству надъ другими народами называютъ **имперіализмомъ**. Другимъ источникомъ, питавшимъ имперіализмъ, было опасеніе Франціи. Обобравши Францію, германское правительство боялось, какъ бы Франція не вздумала отнять Эльзасъ и Лотарингію—страны богатыя—обратно. Нѣмецкому народу со школьной скамьи внушали, что его врагъ—французъ. Если бывало спросить у нѣмецкаго школьника, кто его врагъ, онъ не задумываясь отвѣчалъ: „французъ". Нѣмецкій народъ со школьной скамьи старались убѣдить, что онъ выше всѣхъ другихъ народовъ, что русскіе просто-на-просто свиньи. Такое воинственное и надменное, пренебрежительное отношеніе къ другимъ народамъ называется

шовинизмомъ. Эти слова **имперіализмъ** и **шовинизмъ** постоянно встрѣчаются въ газетахъ, а потому не худо запомнить, что они обозначаютъ.

Да и противъ своего народа на всякій случай нужна была Вильгельму могучая и послушная армія. Надо сказать, что съ ростомъ промышленности въ Германіи развилось и рабочее движеніе. Правительство, какъ водится, держало больше руку капиталистовъ. По этой причинѣ рабочее движеніе приняло **политическій** характеръ, т. е. рабочіе боролись не только за улучшеніе своего **экономическаго** положенія (заработная плата, сокращеніе рабочаго дня), но и за расширеніе своихъ **правъ**. Въ Германіи образовалась сильная соціалъ-демократическая (рабочая) партія. Соціалъ демократическая партія призываетъ рабочихъ къ организованной борьбѣ съ капиталистами. Подъ **организованной** борьбой надо понимать устройство союзовъ, проведеніе своихъ членовъ въ парламентъ (Государственную Думу), гдѣ они борются за интересы рабочихъ и всего народа (**демократіи**). Но соціалъ-демократія кромѣ того партія **соціалистическая**. Какъ таковая она учитъ: капитализмъ не вѣченъ; придетъ время— фабрики, заводы, земля—все должно принадлежать трудовому народу; не будетъ собственности отдѣльныхъ лицъ, а всѣ **орудія производства** (фабрики, заводы) будутъ принадлежать всѣмъ вмѣстѣ. Соціалъ-демократія учитъ: рабочіе всѣхъ странъ должны вмѣстѣ бороться за соціализмъ („Пролетаріи всѣхъ

странъ, соединяйтесь"). Здѣсь я долженъ ограничиться такими краткими указаніями. Подробнѣе о соціалъ-демократической партіи читатель узнаетъ изъ другихъ книжекъ.

И такъ мы видѣли причины роста **военной** промышленности Германіи. Видѣли, насколько военщина, **милитаризмъ**, поддерживалась германскимъ правительствомъ. Германскій милитаризмъ питалъ и поддерживалъ милитаризмъ въ другихъ государствахъ Европы. Государственные расходы во всѣхъ странахъ непомѣрно возрастали. Возрастали и налоги, которые всей своей тяжестью ложились на бѣднѣйшую часть народа. Но вѣдь всякая капиталистическая промышленность требуетъ рынка для сбыта товаровъ. Германская военная промышленность создала крупнѣйшіе въ мірѣ пушечные заводы Круппа Кто-нибудь долженъ былъ потребить эти пушки, эти снаряды. Страшный богъ, богъ войны — единственный потребитель такихъ товаровъ, какъ порохъ и пушки. Пушки ждали случая показать, какіе хорошіе товары готовятъ нѣмцы. Пушки сами готовы были заговорить. И онѣ заговорили. Жребій былъ брошенъ.

Предлогъ къ войнѣ найти было не трудно. Сербъ убилъ австрійскаго наслѣдника престола. Надо наказать Сербію. Ага! Сербія не хочетъ быть наказанной, за нее заступится Россія. Побьемъ Россію, побьемъ Францію, Англію, побьемъ весь міръ. „Германія, Германія выше всего!" Такъ поетъ нѣмецкая пѣснь. Разумѣется, не любовь къ Сербіи руководила Никола-

емъ II, когда онъ мобилизовалъ армію. Въ старину, когда бывало, что деревня ходила въ драку на деревню, конецъ на конецъ, задирали мальчишки и подростки, а потомъ выступали настоящіе бойцы. Николай II и Францъ-Іосифъ сыграли роль такихъ мальчишекъ. За спиной ихъ были—Франція и Англія у одного, Германія у другого. Война была нужна прежде всего императору Вильгельму и нѣмецкимъ капиталистамъ во главѣ съ другомъ императора—Круппомъ, тѣмъ самымъ, который на своихъ заводахъ пушки льетъ.

Вышла престранная исторія. Прадѣдъ бывшаго царя Николай I-й когда-то русскими штыками—во время венгерскаго возстанія 1848 года—поддержалъ шатавшійся тронъ Франца-Іосифа, а правнуку крутого и властнаго императора пришлось воевать съ тѣмъ же Францемъ Іосифомъ и со своимъ закадычнымъ другомъ Вильгельмомъ II. И кто же былъ у Николая II союзникомъ? Кости Николая I-го повернулись бы въ гробу, если бъ онъ узналъ, что это за публика. Президентъ французской республики—личность явно неблагонадежная. Такихъ личностей наши цари ввергали въ узилища или отправляли въ мѣста болѣе или менѣе отдаленныя. А англійскій король—это король только по названію, король страны, гдѣ вся власть принадлежитъ представителямъ народа, а королю только королевская мантія (одежда)!

Старушка-судьба злую шутку сыграла надъ Николаемъ II. Дѣло въ томъ, что молодая русская промышленность развива-

лась при содѣйствіи англійскихъ, французскихъ и бельгійскихъ капиталовъ. Англичанамъ, французамъ, бельгійцамъ выгодно было помѣщать свои капиталы въ русскія предпріятія. Нѣмцамъ-же выгоднѣе представлялось присылать намъ готовые товары. Въ интересахъ русскихъ капиталистовъ были болѣе близкія отношенія съ англичанами, французами, бельгійцами. Въ данномъ случаѣ интересы (выгоды) широкихъ массъ русскаго народа въ значительной степени совпали временно съ интересами фабрикантовъ и заводчиковъ. Именно: развитіе русской промышленности, привлеченіе иностранныхъ капиталовъ удешевляло товары и давало заработки рабочимъ. Кромѣ этихъ чисто экономическихъ причинъ и политическія соображенія толкали Россію на сближеніе съ союзниками. Военное могущество Германіи угрожало раздавить Францію при первомъ столкновеніи. Такое усиленіе Германіи угрожало Россіи, какъ государству; вотъ что вызвало къ жизни франко-русскій союзъ и дальнѣйшее сближеніе съ союзниками. И царь былъ не въ силахъ противиться законамъ исторіи.

Мы видѣли, что вовлекло насъ въ войну. Но съ самаго начала войны обнаружилось двоедушіе Николая II. Съ одной стороны—отъ судьбы не уйдешь!—онъ связался съ союзниками и развязаться нельзя: побьютъ. Съ другой—и друга-пріятеля Вильгельма жаль.

Какъ воевалъ Николай—нынче всѣ знаютъ. Разсказываютъ, что союзники просили его на фронтъ не ѣздить: какъ полѣзетъ

на фронтъ, такъ о всѣхъ передвиженіяхъ русскихъ войскъ нѣмецъ знаетъ. Что недальняго ума былъ у насъ царь, объ этомъ въ народѣ давно поговаривали. Ну, а тутъ и дружба эта старая. Кости солдатскія—много ихъ полегло—поразскажутъ про пятнадцатый годъ. Отступали, чуть не кулаками отъ пушекъ нѣмецкихъ отбиваясь. А почему? Снарядовъ вишь не было. Министръ Сухомлиновъ для русскаго народа, для русскаго солдата снарядовъ не припасъ. А царь покрывалъ его—опора трона! Небось своихъ рабочихъ усмирять припасы нашлись бы у Сухомлинова—вѣрный царскій слуга. Который поспособнѣй да помозговитѣй, того при царѣ опасались, особливо коли честный. Который пооборотистѣй да поворотѣй, особливо съ князьями да съ графами въ родствѣ или Григорія Распутина деньгой да лаской задобрилъ, тому и ходъ, тому и почетъ. Хотя бы и въ мужицкомъ хозяйствѣ или на фабрикѣ,—отъ такого порядка толку не жди. А тѣмъ болѣе въ обширномъ государствѣ. Вотъ и пошла разруха повсемѣстная. Продовольствіе позатерло. И есть хлѣбъ, и нѣтъ хлѣба. И есть мясо, и нѣтъ мяса.

Желѣзныхъ дорогъ вишь мало. Спохватились! Да о чемъ же вы, господа хорошіе, допрежъ того думали? Желѣзныя дороги и въ мирное время пригодились бы. Строить то было некогда! То съ Распутинымъ хороводились, то соціалистовъ ловили да въ Сибирь спроваживали, то съ Государственной Думой воевали. Долго терпѣлъ русскій народъ. А теперь уже

съ Вильгельмомъ снюхивался. И черная сотня нашептывала царю [illegible] съ Протопоповымъ къ [illegible] союзниковъ съ нѣмцемъ помириться) почву подготовляли. Крови народной и земли русской не жалѣли они. Имъ такъ думалось: возмутимъ народъ, выйдутъ рабочіе на улицу, бунтовать начнутъ, а мы усмиримъ, какъ раньше усмиряли. Союзникамъ англичанамъ и французамъ сказать можно: „сами видите, какъ съ нашимъ народомъ воевать; не обезсудьте, воевали какъ могли. Темный де нашъ народъ и воевать не хочетъ. Дозвольте, дорогіе союзники, намъ съ нѣмцемъ отдѣльный отъ васъ разговоръ имѣть, **сепаратный миръ заключить**". Вотъ куда гнули Штюрмеръ и Протопоповъ, да Распутинъ Григорій—хоть изъ мужиковъ былъ, а продувная бестія: и писать путемъ не умѣлъ, а государственными дѣлами на пользу Вильгельма во какъ ворочалъ.

Ну, однако просчитались. Рабочій то на улицу вышелъ и бунтовать началъ, да только солдатъ не противъ него, а противъ царя пошелъ.

Неудачная война всегда опасна для царей. Еще въ японскую войну царскій тронъ далъ трещину—пришлось какую ни на есть Государственную Думу созвать. А теперь царскій тронъ и совсѣмъ раскололся.

Когда спихнули царя съ трона, наступила у насъ полная свобода слова. Каждый можетъ говорить, что думаетъ,

другихъ уговаривать. Стали и о войнѣ по-разному поговаривать. Послышались и такіе голоса: довольно де намъ воевать; намъ, рабочему народу, война не нужна. А какъ же избыть войну? Да очень молъ просто: пойдемъ съ краснымъ знаменемъ къ нѣмцу, побратаемся съ германскимъ солдатомъ—нѣмецкому народу тоже вѣдь война не нужна. Слушаютъ ребята, люди темные,—оно будто бы и складно выходитъ, да и лучше, цѣлѣй будешь. А то и не вдомекъ, къ чему это ведетъ. Ведетъ-то это къ тому, чего Штюрмеръ и Протопоповъ хотѣли: къ **сепаратному** миру, другими словами къ отдѣльному миру съ Германіей. Французы тамъ и англичане воевать будутъ, а мы помиримся. Тѣ же люди, которые горой стоятъ за братаніе, кричатъ: „это неправда, мы не хотимъ сепаратнаго мира“; братанье у насъ начнется, а тамъ, глядишь и англичанинъ да французъ съ нѣмцемъ брататься начнутъ,—такъ война и кончится.“ У русскаго писателя Щедрина такая сказка есть. Разсуждаетъ карась, какъ бы хорошо было, еслибъ всѣ рыбы между собою согласились: никакого бы хода щукѣ не было, и рыбы она не ѣла бы: Да только щука рыба хитрая—карася перваго и съѣла. Ну, да и Вильгельмъ старый воробей: его на мякинѣ не проведешь. Коли онъ своихъ германскихъ соціалъ-демократовъ, которыхъ по тюрьмамъ разсажалъ, а которыхъ вокругъ пальца обернулъ и прислуживаться себѣ заставилъ, такъ братаньемъ его не удивишь. Что бы тамъ ни говорили, а на дѣлѣ братанье—тотъ же **сепаратный** (отдѣльный) миръ. Говоритъ: позоръ для насъ сепа-

ратный миръ. Позоръ—то вѣрно что позоръ, да не въ одномъ позорѣ дѣло. Такъ просто изъ числа драки выйти намъ никакъ нельзя. Англичане, французы, итальянцы, американцы, японцы что же бы сложа руки сидѣли, колибы мы съ нѣмцемъ миръ заключили? То-то что нѣтъ. И была бы война горше этой. Да и разорили бы насъ въ конецъ. Всѣ наши деньги бумажныя простыми бы бумажками стали, коли бы англичанинъ да французъ ихъ признавать за деньги пересталъ. Такъ вотъ нѣкоторые говорятъ: что они сепаратнаго мира не хотятъ, а братанье все-таки проповѣдуютъ.

Нѣмецъ-то на нашемъ фронтѣ калѣчь разную для братанья оставляетъ,—все равно боевъ нѣтъ, а хорошее войско противъ англичанъ и французовъ,союзниковъ нашихъ, обратилъ. Тѣ было наступать начали, Вильгельмовы войска бить начали, а отъ насъ подмоги нѣтъ. Они и пріостановились: однимъ то трудно справиться. Къ чему же это ведетъ? А къ тому, что коли съ англичаниномъ да съ французомъ Вильгельмъ справится, то намъ такую ижицу пропишетъ, что упаси Господи. И дѣтямъ, и внукамъ расплачиваться придется. А можетъ и правительство старое посадитъ, поплоше, потому что ему не выгодно, чтобы въ Россіи правители хорошіе были. И свобода наша пропадетъ, и земли мужичекъ не увидитъ. Еще-бы! Коли онъ у насъ свободу оставитъ, да земли дастъ крестьянамъ, такъ и своему нѣмцу соблазнъ большой выйдетъ. Неудачныя войны троны расшатываютъ, а удачныя укрѣпляютъ. Виль-

гольмъ героемъ будетъ. Да и такъ сказать: съ кѣмъ намъ лучше дружбу водить,—съ такими странами, какъ Франція, Англія, Америка, гдѣ самъ народъ себѣ хозяинъ (демократія), или съ императоромъ германскимъ, австрійскимъ да султаномъ турецкимъ? А коли въ дружбѣ быть, такъ и стоять надо крѣпко другъ за друга.

Другое слово такое, что хотя и русское, а понять его по разному можно. Есть такіе люди, что называютъ себѣ оборонцами: мы де за оборону страны стоимъ. Дѣло почтенное, мы всѣ за оборону. Только мы понимаемъ оборону такъ: мы не хотимъ захватывать чужого, но со своей земли постараемся согнать Вильгельма, т. е. будемъ наступать. А другой темный человѣкъ по другому это слово разумѣетъ. Пріѣхали раненые съ фронта. Спрашиваю, какъ на счетъ наступленія? „Нѣтъ, у себя въ окопахъ отбиваться будемъ, а наступать не согласны: мы за оборону". Спрашивается, если разбойники заняли двѣ комнаты въ вашемъ домѣ, а вы засѣли въ остальныхъ, такъ если вы ихъ изъ занятыхъ комнатъ, собравшись съ силами, выгонять будете, развѣ это не оборона?

А то и такіе ребята есть, которые называютъ себя анти-оборонцами (**противуоборонцами**). Эти говорятъ, что совсѣмъ не надо обороняться. Обороняться значитъ защищать свое отечество. А отечество есть только у богатыхъ. Пролетарій (бѣдный, рабочій) отечества не имѣетъ. Для него родина не

Мать, а злая мачеха. Мы де стоимъ за всемірное братство рабочихъ—**интернаціоналъ** (запомните это слово).

Конечно, рабочіе—бр тья („Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь"). И мы сами, какъ **соціалъ-демократы**, стоимъ за **интернаціоналъ**, т. е. международное братство рабочихъ. Но вѣдь и между братьями бываетъ ссора, бываетъ несправедливость. И покуда наши нѣмецкіе братья идутъ противъ насъ подъ знаменами своего императора, они намъ плохіе братья. Противуоборонцы или, лучше сказать, пораженцы,—такъ какъ кто противъ обороны, тотъ за пораженіе,—неправы. И насчетъ родины (отечества) они неправы. Развѣ крестьянину не дорогъ тотъ клочекъ земли, который онъ своими руками обрабогалъ? развѣ ничего не говоритъ его сердцу роща возлѣ деревни, рѣченка, гдѣ онъ мальчишкой удилъ рыбу? Тотъ клочекъ неба, который городской рабочій видитъ изъ своей каморки, онъ не тотъ, что въ чужестранныхъ земляхъ. Я видѣлъ въ Лондонѣ бѣдныхъ евреевъ рабочихъ. Ужъ имъ ли не мачехой была матушка-Россія. И еврей богатый фабрикантъ или заводчикъ его прижималъ, и полиція травила. А съ какой тоской они разспрашивали про Россію, какъ имъ хотѣлось снова попасть на грязную, вонючую улицу Бердичева или Шклова. Нѣтъ, господа пораженцы! Русскій рабочій присоединится къ международному братству рабочихъ, но онъ останется русскимъ и свою русскую землю будетъ защищать съ оружіемъ въ рукахъ!

Когда русскій народъ одержалъ побѣду надъ своимъ царёмъ, когда русскій народъ завоевалъ себѣ свободу, Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ разослалъ воззваніе къ народамъ всего міра. Въ этомъ воззваніи Совѣтъ объявилъ, что русскій народъ завоеваній не хочетъ, ему своего достаточно.

Добръ русскій человѣкъ. Выпустилъ нашъ Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ воззваніе, а затѣмъ и отъ Временнаго Правительства потребовалъ объявить всѣмъ народамъ, что мы чужого не хотимъ. Объявило Временное Правительство, что оно хочетъ заключить миръ „**безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ**". Мудрено это для простого человѣка. Попробуемъ разобраться, что это за миръ такой. **Аннексія** по-русски обозначаетъ **присоединеніе**. Миръ безъ **аннексій** значитъ миръ безъ присоединенія земель другихъ государствъ. Вотъ послѣ франко-прусской войны, о которой мы говорили, Пруссія присоединила къ себѣ Эльзасъ и Лотарингію, отнявши ихъ у Франціи. Это была **аннексія**. Австро Венгрія нѣсколько лѣтъ тому назадъ воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ своей нынѣшней союзницы Турціи и присоединила къ своему государству Боснію и Герцеговину. Это была **аннексія**, хотя и безъ войны. Австрійскій императоръ присоединилъ къ своему государству Боснію и Герцеговину только потому, что Турція не могла воевать. Онъ воспользовался правомъ сильнаго. Понятно: не одно государство не можетъ присоединять земли

чужого государства, если это чужое государство сильнѣе, если оно побѣждаетъ.

Теперь о **контрибуціи. Контрибуція** значитъ вознагражденіе, дань. Въ старинное время такъ по-простому, безъ затѣй и говорили: разбилъ одинъ князь другого и наложилъ на него дань. Нынче народъ помудрѣй сталъ, пообходительнѣй. Пословица говоритъ: „называй груздемъ, да не клади въ кузовъ". А образованный человѣкъ иной разъ такъ думаетъ: „въ кузовъ то ты меня положешь, — ничего не поймешь, да хоть груздемъ, сдѣлай милость, не называй." Такъ вотъ и придумали благородное слово: **контрибуція.** Ясное дѣло: чтобы эту самую контрибуцію, или по-простому дань заплатить, надо побѣдить, а то самъ гони монету. Считаютъ такъ: контрибуція - это вознагражденіе за **военные расходы.** Убила деньжищъ идетъ на войну: пушки надо, порохъ надо, ружья надо, да снаряды, да солдатъ одѣть, обуть, накормить. Вотъ побѣдитель и беретъ деньги съ побѣжденнаго, — выходитъ ужъ какъ бы и не дань, а вознагражденіе за военные расходы. Мы это объясненіе запомнимъ. Оно намъ пригодится дальше. Дань то дань, но немного въ другомъ родѣ, хотя, по правдѣ сказать, разница небольшая.

Теперь, когда мы знаемъ, что такое аннексія и контрибуція, для насъ ясно одно: Россія отказывается и принципіально отказывается отъ захвата чужихъ земель и

отъ дани съ нѣмцевъ. Хочется спросить: сколько же мы нѣмецкихъ земель захватили? Вѣдь я могу отказываться отъ того, что мнѣ принадлежитъ. Не такъ ли? На дѣлѣ оказывается наоборотъ. Не мы, а Германія захватила 16 губерній, принадлежавшихъ Россіи. Не Франція захватила нѣмецкія земли, а Германія—богатыя области Франціи. А эта разбойница Бельгія, которую мы тоже приглашаемъ отказаться отъ захватовъ, оказывается почти вся занята войсками германскаго императора. Похоже на то, что морда въ крови, а мы кричимъ: наша взяла.

Разскажу-ка я такую притчу. Идетъ себѣ тропой лѣсной паренекъ въ поддевкѣ. Идетъ себѣ, посвистываетъ, въ усъ не дуетъ, а цѣлковики новые въ кармашкѣ побрякиваютъ. До войны видно дѣло было, нынче цѣлковый бумажный пошелъ, не побрякиваетъ въ карманѣ. А навстрѣчу пареньку нашему—откуда ни возьмись, дядя такой серьезный изъ себя: въ плечахъ сажень косая борода нечесаная, изъ глазъ искры сыплются недобрыя. Услыхалъ этотъ дядя лѣсной, какъ цѣлковики брякаютъ, услыхавши, на цѣлковики позарился. долго ли, коротко ли,—скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, а паренекъ нашъ подъ тѣмъ дядей лежалъ. Колѣно разбойника на младой груди, а руки его шею бѣлую сдавливали. До сихъ поръ пока все понятно вамъ. Ну, а дальше вотъ непонятное начинается. Какъ возговорилъ паренекъ-то нашъ... Что возговорилъ? отпусти меня? Нѣтъ,

паренекъ сказалъ такъ разбойнику: „дорогой ты мой, неприглядненькій, не корыстенъ я: иди съ миромъ, другъ, мы—товарищи; обижать тебя не хочу никакъ. Свои денежки ты оставь при себѣ". Вотъ тутъ-то и есть запятая. Конечно, если бъ паренекъ нашъ встрѣтилъ не разбойника, а побѣдилъ бы его во честномъ бою богатырь какой, Илья Муромецъ, можетъ статься, посмѣялся бы Илья такому ребячеству: самъ побить, а мнѣ же мою жизнь и мой, а не свой кошелекъ даритъ. Посмѣялся, бы можетъ, Илья и простилъ бы паренька по его младости, ухмыляючись себѣ въ бороду. Ну, только сдается Вильгельмъ не такой простакъ. Посмѣяться онъ посмѣется, да только смѣхъ его намъ слезами и кровью отзовется. Добрые у насъ ребята, да не больно мозговитые.

Мы объ этихъ самыхъ **аннексіяхъ и контрибуціяхъ** поговоримъ дальше. Мы увидимъ: и образованные люди, которые за народъ стоятъ и слова разныя иностранныя хорошо понимаютъ, по разному объ **аннексіяхъ и контрибуціяхъ** думаютъ.

Припомнимъ, о какомъ мирѣ говорятъ Временное Правительство и Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. „Миръ безъ аннексій и контрибуцій на основѣ самоопредѣленія народовъ".—Самоопредѣленіе народовъ—слова русскія, ихъ и понять легче,—чтобы, значитъ, каждый народъ самъ предѣлилъ свою судьбу. Къ примѣру, Польша хочетъ

быть государствомъ самостоятельнымъ, какъ другія прочія государства. До войны часть Польши принадлежала Россіи, часть—Германіи, часть—Австріи. Это несправедливо. И даже тѣ люди, которые говорятъ: „у пролетарія нѣтъ отечества", считаютъ правильнымъ отдать всю Польшу полякамъ. Объ этомъ у насъ не спорятъ. А нѣмецъ можетъ сказать: „это **аннексія**, потому что вы у меня хотите отобрать и отдать полякамъ то, что до войны было моимъ". Кабы мы съ народомъ нѣмецкимъ, либо съ его выборными толковали, мы бы еще столковались. А поди-ка, потолкуй съ Вильгельмомъ. „На основахъ самоопредѣленія народовъ"... сербы захотятъ, и справедливо, соединиться съ другими сербами. А вѣдь значительная часть сербскихъ земель принадлежитъ Австріи. Тоже **аннексія**, т. е. присоединеніе чужихъ земель.! Есть такой народъ чехи, славяне, какъ и русскіе, и языкъ то на нашъ похожій. Они то же захотятъ быть отдѣльнымъ государствомъ. Что-то скажетъ Австрія? Мы говоримъ про Эльзасъ-Лотарингію, что нѣмцы послѣ франко-прусской войны, безъ малаго пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ у французовъ отняли. Земли французскія, хотятъ съ французомъ соединиться. А Вильгельмъ скажетъ: „**это аннексія**, передъ **этой** войной земли эти **мнѣ** принадлежали, а вы отнять хотите. Не дѣлите, братцы, шкуры не убитаго медвѣдя". Можетъ быть и такой случай. Какъ извѣстно большая часть армянской земли принадлежала Турціи. Прослышали армяне: вышло самоопредѣленіе народовъ. Собрались, покалякали. „Хорошо бы и намъ ар-

мянское государство устроить,—республику бы такую армянскую. Горькое наше житьишко подъ туркой было. Придутъ курды разбойники, мужиковъ перерѣжутъ, бабъ и дѣвокъ въ полонъ уведутъ, насильничаютъ, надъ дѣвичьей честью надругаются. Хорошо бы оно, да и боязно. Не управиться намъ однимъ, опять бы подъ турку не угодить." Погуторили такъ армяне, да и просятся: „хотимъ мы подъ могучимъ русскимъ народомъ быть. Онъ защититъ насъ, сохранитъ свободу нашу, не хотимъ государства дѣлать отдѣльнаго." Пришли это они въ министерство наше, а тамъ ихъ въ зашей: „подите прочь, вы насъ на **аннексію** соблазняете." Развѣ же это по справедливости будетъ? Вотъ оно и выходитъ: понятно то понятно, да не совсѣмъ. И невольно рука тянется затылокъ почесать. Разныя стало быть и **аннексіи** бываютъ. Или разумѣютъ подъ этимъ словомъ разное. Такъ ты допрежъ столкуйся, а потомъ и говори. Когда говорятъ отъ имени народа, каждое слово, какъ алмазъ, должно быть дорого, каждое слово, что стеклышко, ясно. Коли говорить по справедливости, всего намъ дороже самоопредѣленіе народовъ. Вотъ это золотое слово, свободное слово гордаго и свободнаго народа.

Контрибуція, какъ мы видѣли, это дань. Дани мы ни съ кого не собираемся брать, да и далеко намъ до того: не до жиру, быть бы живу. А какъ вотъ тутъ поступить? Вильгельмъ до чиста обобралъ Польшу, Сербію, Бельгію, часть Румыніи. Бралъ чѣмъ могъ, хуже чѣмъ въ старину городничіе

брали. Брали деньгами, накладывая дань на богатые города и разоряя ихъ; брали провіантомъ; вывозили въ Германію дорогія картины и другія сокровища. До тла разорили цѣлыя области, цѣлыя государства. Взять бы хотя Бельгію. За что она пострадала? Бельгія, какъ **нейтральное** (это значитъ не воюющее) государство, не хотѣла пропустить черезъ свои земли германскія войска. „Мы, говорили бельгійцы, съ вами нѣмцами воевать не хотимъ, воюйте себѣ съ французами; коли мы васъ черезъ свои земли пропустимъ, будетъ несправедливо; значитъ, мы вамъ противъ французовъ помогли". А Вильгельму то черезъ Бельгію ближе, онъ и началъ бить бельгійцевъ, чтобы сквозь ихъ земли пройти. Бельгійцы, слѣдовательно, за правду пострадали. Разорены они до-тла. Народъ самостоятельный и зажиточный—они стали нищими. Союзники наши англичане и французы и говорятъ: „нѣмцы должны возстановить Бельгію, они ее разорили; бельгійцу хозяйство справить не на что, пусть они ему и дадутъ денегъ". Считать ли это **контрибуціей?** По нашему выходитъ нѣтъ; мы считаемъ, что контрибуція—дань. А мы не дани ищемъ, а справедливости. Есть такіе шустрые: „пусть де которыя государства не воевали, а на войнѣ еще заработали, пусть они заплатятъ Бельгіи". Да вѣдь какъ ихъ заставишь, снова что-ли воевать?

Покуда себѣ у насъ про **аннексіи и контрибуціи** рацеи разводили, Временное Правительство еще новыя слова въ оборотъ пустило: „нельзя, говорилъ Милюковъ, безъ **санкцій**

и гарантій миръ заключать". **Санкція**—это значитъ освященіе, утвержденіе, чтобы значитъ миръ утвержденъ былъ покрѣпче, а кѣмъ, этого намъ не объяснили. **Гарантія** обозначаетъ обезпеченіе. Вродѣ какъ бы въ ссудной кассѣ. Взялъ ты двадцать цѣлковыхъ, зато часы оставилъ. Твои часы служатъ **гарантіей**, что деньги за тобой не пропадутъ. И съ аннексіями или безъ аннексій было неясно, а санкціями да гарантіями—еще больше туману напустили. Хотѣлось, значитъ, Милюкову, отъ Германіи какое-либо обезпеченіе еще получить въ залогъ того, что миръ будетъ прочный. А что онъ на умѣ держалъ, въ точности не объяснилъ. Нѣкоторые такъ подумали: хочетъ нѣмца поприжать; пожалуй, война еще больше затянется. И вышла катавасія и чуть промежду себя до драки не дошло. Въ такое время каждое слово съ оглядкой надо молвить, а главное, чтобы всѣмъ понятно было. „А Васька, какъ говорится, слушаетъ, да ѣстъ". Покуда наши умники препирались, какой лучше миръ заключить, чтобы войну скорѣе кончить, Вильгельмъ себѣ въ усы посмѣивался, а про себя, поди, думалъ: „своихъ-то земель я имъ не дамъ, а чѣмъ дольше говорить будутъ, тѣмъ больше я у нихъ земли отниму. А на самоопредѣленіе народовъ надо согласиться, только въ въ другомъ видѣ: „я **самъ** судьбу народовъ по своему опредѣлю". И стягивалъ войска противъ француза. Спорятъ, спорятъ наши то,—думаютъ, можетъ, пока они хорошія слова говорятъ, миръ, какъ-нибудь, самъ собой заключится. А миръ то не заключается. Сепаратный (отъ сепаратный отдѣльно, въ

Германіей) тоже неприлично заключать. И стали воевать такъ, какъ будто давно миръ заключенъ. Видятъ, ничего не выходитъ: „наступать, бьютъ, надо". — А солдатушки тѣмъ временемъ распоясались поразпустились, воевать то и не хочется.

Пока мы больше о томъ говорили, какъ кто насчетъ войны разсуждаетъ, какое разсужденіе правильное, какое неправильное и почему.

Теперь о томъ поговоримъ, какимъ способомъ намъ поскорѣе войну закончить и какъ справедливый миръ заключить, по правдѣ да по совѣсти, какъ свободному народу подобаетъ. Кое что на этотъ счетъ мы уже и выяснили. Надо только покрѣпче запомнить, какая у насъ рѣчь объ этомъ шла, и разныя слова не забывать.

Какъ бы намъ круто ни пришлось, не на всякій же миръ мы согласиться можемъ. Здорово насъ царь со своими министрами подвелъ, не разъ мы биты были, а въ кабалу къ Вильгельму намъ не съ руки идти. Онъ, вѣдь, почище Николая насъ оберетъ, потому что поумнѣй его. Русскій народъ свободнымъ сталъ. А за свободу и постоять надо, рано распоясываться-то. И отдѣльнаго мира заключать не приходится. Стало быть допрежъ всего съ союзниками, съ союзными народами столковаться надо. Сообща и порѣшить, какой миръ справедливѣе будетъ. Установить твердо, что каждый народъ

свою судьбу самъ порѣшить долженъ,—кому принадлежать, или какой себѣ порядокъ, коли свое государство задумаютъ устроить,—завести. Про Бельгію вырѣшить, долженъ бы Вильгельмъ ее вознаградить, а также Польшу, Сербію, Румынію. А пока судъ да дѣло, воевать надо. По настоящему воевать, не братаніемъ заниматься, да бобы разводить. Чѣмъ дольше мы зря сидимъ, тѣмъ дольше война тянуться будетъ. Коли намъ круто, такъ и Вильгельмову войску не сладко. Не оттого ли оно на насъ не наступаетъ, что братанія боится? Какъ бы не такъ. Нѣмецъ тебѣ братается, а самъ снимокъ дѣлаетъ,—гдѣ пушки стоятъ, гдѣ какъ войска расположены, а потомъ и палитъ по нашей артиллеріи. Не наступаетъ же онъ потому, что у него силъ не хватаетъ. Англичане и французы времени не теряли. Артиллерію тамъ почище нѣмца завели. И очень они насъ выручили, что во время нашего возстанія на нѣмца наступали. Мы помнить это должны и за добро добромъ отплатить. Наше спасеніе не въ томъ, чтобы сидѣть у моря и ждать погоды. Въ окопахъ сидя, до того досидимся, что нѣмецъ съ англичанами и французами управится, да и насъ раздавитъ. А потому сплотиться надо, подпоясаться потуже да и впередъ.

Мы, соціалъ-демократы, говоримъ рабочимъ: вашъ врагъ—капиталисты. Это вѣрно. Только вѣдь съ разнымъ врагомъ по разному бороться надо. Съ капиталистами мы стачками да союзами поборемся, благо свобода у насъ есть.

А пока у насъ врагъ-то Вильгельмъ у воротъ стоитъ, да что у воротъ: уже во дворъ вломился, того и гляди въ избу зайдетъ. И обманывать себя нечего. Вильгельмова дума извѣстная: что де мое, то мое, а что ваше, то—тоже мое. Можетъ ли Вильгельмъ Завоеватель согласиться на самоопредѣленіе народовъ? Можетъ ли отказаться отъ чужихъ земель? Въ одномъ случаѣ только: если ему очень плохо придется. А пока что держится. И если мы сложа руки сидѣть будемъ, войнѣ и конца не видать.

Теперь для насъ ясно: надо наступать на врага. Доколѣ же воевать то будемъ? Одни кричатъ: „воевать до конца“, другіе:—„до побѣднаго конца“, третьи: —„до рѣшительной побѣды“. Попробуемъ и въ этихъ крикахъ разобраться. Воевать до конца... Что же это значитъ? Воевать, а потомъ кончить войну. Эвона, удивили тоже! Всякая война миромъ кончается и вы намъ, сдѣлайте милость, такихъ пустыхъ словъ не говорите. „До побѣднаго конца“ или „до рѣшительной побѣды“—это почти одно и тоже. Казалось бы, что съ этимъ можно согласиться. Да дѣло вотъ въ чемъ... При старомъ правительствѣ, при царяхъ, бывало про законы такъ говорили: „законъ, что дышло,—куда поворотилъ, туда и вышло“. Такъ и со словомъ порой бываетъ. Когда у насъ свобода слова, такъ со словомъ тоже надо быть поосторожнѣй. Говорить то поясняѣе надо. А неясность-то вотъ въ чемъ. Когда говорятъ: „до рѣшительной побѣды“, слѣдуетъ договаривать: „побѣда надъ

кѣмъ". „Ну, зарапортовался", скажете вы. „Извѣстно надъ кѣмъ: нѣмца побѣдить надо" Нѣмца то нѣмца, да какого нѣмца. Самый вредный нѣмецъ - это императоръ Вильгельмъ. Его то и побѣдить надо, а съ нимъ всю военщину прусскую. (**милитаризмъ** то есть). Мы не хотимъ быть батраками Вильгельма, мы не хотимъ, чтобы нѣмцы русскую промышленность задавили, безработныхъ плодили. Мы не хотимъ, чтобы попрежнему огромныя суммы изъ государственныхъ доходовъ шли на армію. Эти деньги, эти средства могутъ и должны пойти на образованіе народа, на постройку желѣзныхъ и другихъ дорогъ. Многаго намъ не хватаетъ и народу не подъ силу нести бремя постоянныхъ вооруженій, бремя **милитаризма**. Для того, чтобы этого не было, чтобы народъ могъ вздохнуть свободной грудью, надо побѣдить Вильгельма. Вильгельмъ-побѣдитель, Вильгельмъ—завоеватель не согласится на всеобщее разоруженіе. И не будетъ мира всего міра, если Вильгельмъ Кровавый останется побѣдителемъ въ этой современной битвѣ народовъ. А не разоружится Германія,—и другія страны будутъ вооружаться, и кто знаетъ, не придется ли намъ лѣтъ черезъ десять вести войну еще болѣе ужасную, если можетъ быть что-либо ужаснѣе этой войны.

Намъ нуженъ миръ скорый. Но миръ долженъ быть прочный, не перемиріе только. Намъ нуженъ миръ. Но намъ нуженъ миръ справедливый. Не такой намъ миръ нуженъ, который разоритъ въ конецъ и безъ того разоренную, не-

счастную родину нашу. Намъ нуженъ миръ. Но мы не хотимъ быть рабами, мы не хотимъ мира во что бы то ни стало.

Намъ кричатъ: „опубликуйте тайные договоры“. „А союзники на это согласны?“ спросимъ мы. „А Вильгельмъ согласится опубликовать свои сукретныя сношенія съ императоромъ австрійскимъ, султаномъ турецкимъ и царемъ болгарскимъ? Зачѣмъ же въ угоду Вильгельму мы будемъ ссориться съ союзниками? Зачѣмъ Вильгельму карты открывать?“

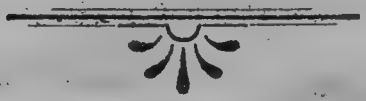
На такой миръ, какой намъ нуженъ, Вильгельмъ не согласенъ. А войну надо скорѣй кончать. Такъ скорѣй мы ее кончимъ, если брататься будемъ? Англичане и французы, какъ мы видѣли, передъ нашей революціей на нѣмца наступать начали. Со многихъ позицій нѣмца сбили. Не справиться Вильгельму на два фронта, да тутъ братанье помогло. Попридержалъ Вильгельмъ французское и англійское наступленіе. Скорѣй ли отъ этого миръ будетъ? Ясно, что напротивъ, ясно, что братанье, этотъ миръ вродѣ войны или война, похожая на миръ, только задерживаетъ наступленіе настоящаго мира. Въ станѣ нашихъ враговъ три съ половиной императора: германскій, австрійскій, султанъ турецкій, да царь болгарскій (этотъ за половину сойдетъ: „куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“). Подсчитаемъ,—кто на нашей сторонѣ: республика французская, республика американская (Соединенные Штаты Сѣверной Америки), демократія англій-

ская, итальянская, сербская, бельгійская, республика португальская, Румынія, Японія.

Только старая власть съ царемъ во главѣ, только старая власть продажная и измѣнническая мѣшала народу русскому прогнать безпощаднаго врага. Народъ русскій свободенъ, народъ русскій могучъ. У власти—вѣрные люди. Вѣрные люди поведутъ насъ къ вѣрной, рѣшительной и скорой побѣдѣ надъ Вильгельмомъ.

Мы призываемъ народъ нѣмецкій свергнуть своего повелителя. Но нѣмецкій народъ, ослѣпленный побѣдами своего императора, покорно плетется за его колесницей. Тѣ немногіе, кому свобода дороже жизни, тѣ, кто не хочетъ быть въ числѣ угнетателей другихъ народовъ, сидятъ по нѣмецкимъ тюрьмамъ. Свободный народъ русскій не можетъ терпѣть насильника рядомъ съ собой. Германія съ Вильгельмомъ во главѣ—вѣчная угроза для нашей молодой свободы. Германія свободная, Германія раскрѣпощенная можетъ идти рука объ руку съ русскимъ народомъ.

Надо дѣйствовать дружно, одинъ помыселъ у насъ и союзниковъ нашихъ долженъ быть: побѣдить Вильгельма. Рѣшительно и настойчиво впередъ за родину, впередъ за свѣтлое будущее народовъ! Только рѣшительная борьба дастъ намъ скорый и справедливый миръ! Потокъ народовъ смоетъ старые троны Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ. Потокъ могучій, потокъ бурный,—не императорамъ его остановить!



Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

ОИК-57158

Издательство «ЕДИНСТВО».

ВЫШЛИ:

К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. Коммунистическій манифестъ. 25 к.

Катинъ-Ярцевъ, В. Н. Правда о войнѣ. 25 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

1. ***Плехановъ, Г. В.*** Война и миръ.
2. ***Энгельсъ, Ф.*** Развитіе соціализма отъ утопіи къ наукѣ. Пер. ***В. И. Засулича.***
3. ***Браке*** „Долой соціалъ-демократовъ!“ Пер. И. Финкельштейнъ.
4. ***Пѣсни труда и борьбы.*** Выпускъ 1.

Складъ изданій: Издательство „ЕДИНСТВО“.
Москва, Леонтьевскій пер., 5, кв. 3.

Мет.
8 р.
№ 44

Цѣна 25 коп.

ОИК N 57158

Переплет
сделан VII-1968г.